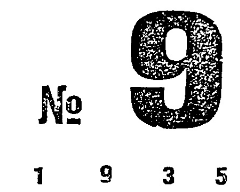
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
ОРГАН
МЕЖДУНАРОДНОГО
ОБЪЕДИНЕНИЯ
РЕВОЛЮЦИОННЫХ
ПИСАТЕЛЕЙ

1 9 3 5

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

ПОСТОЯННЫЕ СОТРУДНИКИ НАШИХ ЖУРНАЛОВ

И. Р. Бехер, О. Биха, В. Бредель, Б. Брехт, Э. Вайнерт, Ф. Вайскопф, К. Витфогель, Ф. Вольф, А. Габор, Э. Гинкель, О. М. Граф, М. Гресхеннер, К. Грюнберг, К. Нейкранц, Э. Оттвальт, Т. Пливье, Э. Пискатор, Л. Ренн, К. Клебер, А. Курелла, Б. Ласк, Г. Мархвица, Г. Егер, А. Зегерс, Э. Э. Киш, Л. Турек, А. Шаррер (Германия);

Ш. А[illegible]рсон, М. Голд, Дж. Дос-Пассос, Т. Драйзер, Дж. Калар, У. Кармон, Дж. Стил, Дж. Кьюниц, Синклер Льюис, Л. Лозовик, М. Пэйдж, У. Синклер, А. Смэдли, У. Фрэнк, Дж. Фримэн, У. Чемберс, Л. Хьюз (Америка);

Л. Арагон, А. Барбюс, Ж. Р. Блок, П. Вайян-Кутюрье, А. Жид, Ж. Жионо, А. Мальро, Л. Муссинак, П. Низан, Ромэн Роллан, Ж. Садуль, Ж. Фревиль (Франция);

А. Барта, Ш. Гергель, А. Гидаш, Б. Иллеш, Л. Киш, В. Камьят, Г. Лукач, Э. Мадарас, Я. Матейка (Венгрия);

Иеф Ласт, Герард Фантер (Голландия);

П. Илемницкий, Ст. К. Нейман, Л. Новомесский (Чехословакия);

П. Шнур, Ф. Яничек (Австрия);

В. Броневский, А. Ват, Ст. Выгодский, Ю. Грот, С. Людкевич, Ст. Р. Станде, [redacted] (Польша); Б. Ясенский

Дж. Джерманетто, Росси (Италия);

Р. Альберти, Х. Ардериус, С. М. Арконада, С. Вальехо, М. Т. Леон, Р. Х. Сендер (Испания);

Ч. Ашли, А. П. Ролей, Г. Хэзлоп, Б. Шоу, Дж. Стрэчи, А. В. Эллис (Англия);

Энар Томасен, З. Лунд, М. А. Нексе (Дания);

Иокум, Л. Лайцен, Я. Эйдук (Латвия);

Го Ма-жо, Лу Син, Мао Дунь, Эми Сяо, Тянь Хань, Фин Сефуи, Хуа Хань, Цянь Синцунь, Чжоу Цин, Шен Туасянь (Китай);

О. Брандоу (Бразилия);

Хосе Мансисидор (Мексика);

И. Анисимов, И. Бабель, Билль-Белоцерковский, О. Брик, Е. Габрилович, Е. Гальперина, Ф. Гладков, Глебов, А. Дейч, С. Динамов, Запровская, К. Зелинский, А. Елистратова, Вс. Иванов, М. Ильин, И. Ильф, А. Исбах, И. Кашкин, [redacted] В. Киршон, В. Катаев, Л. Кассиль, Ф. Кельин, Лахути, М. Левидов, Л. Леонов, В. Лидин, Д. Мирский, Я. Металлов, И. Микитенко, И. Нусинов, Н. Огнев, К. Паустовский, Е. Петров, [redacted] Пранскус, А. Селивановский, И. Сельвинский, В. Ставский, Н. Тихонов, [redacted] А. Фадеев, М. Шагинян, Ф. Шиллер, В. Шкловский, М. Д. Эйхенгольц, И. Эренбург, Н. Эйшискина (СССР).

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОШЛОГО

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПОРТРЕТЫ

ТЕОРИЯ И КРИТИКА

«Вот арабов вечно упрекают в уничтожении деревьев. А что здесь делаю я, что делаем мы, офицеры, как не рубим деревья на своем пути? Ну, скажут мне, ведь это необходимо: кухня, отопление. А-а, так вот! Значит, и арабам необходимо!..»

Он раздраженно зажег папиросу. Вдруг у него мелькнула мысль: «А ведь я поступил совсем, как Боннель. Как бы я ни относился к туземцам, стоит одному из них чуть приподнять голову, как я ставлю его на место с грубостью, какой я никогда не допустил бы в отношении француза».

Олиньи усмехнулся. Мне хочется сказать им: вы имеете те же права, что и мы. Но стоит им сказать: Мы имеем право — как стоп! Олиньи подумал. А что, если б вспыхнул бунт? И моментально сам собой возник ответ: Я не только всеми силами постарался бы его подавить, что составляет мой прямой долг, но был бы безжалостен. И дальше: — Что ж, ничего удивительного! Я — офицер. — И. впервые: — Будучи офицером я не в праве думать того, что думаю.

Сильно взволнованный и недовольный собой, Олиньи бросил папиросу. Чувствуя, что ему необходимо пройтись, чтоб успокоить нервы, он поднялся и вышел из канцелярии. Уже на улице он снова пожал плечами:

— Где это, чорт возьми, видано, чтоб пес целый день работал?

Джемс Джойс

Улисс

Перевод с английского Ан. ЕЛЕОНСКОЙ [1]

4

Мистер Леопольд Блум с особенным удовольствием ел внутренние органы животных и птиц. Он любил густой суп из потрохов, пупки с привкусом ореха, жареное фаршированное сердце, ломтики печенки в сухарях, поджаренную тресковую икру. Больше всего он любил бараньи почки на рашпере, оставлявшие во рту тонкий едкий вкус, слегка отдававший мочей.

О почках он думал, бесшумно двигаясь по кухне, собирая на покоробленный поднос все нужное для ее завтрака. Студеный свет и воздух в кухне, а на дворе мягкое летнее утро. У него засосало под ложечкой.

Угли накалялись.

Еще ломоть хлеба с маслом: три, четыре: прекрасно. Она не любит, чтобы на тарелке было много. Прекрасно. Он отвернулся от подноса, снял чайник с края очага и поставил его боком к огню. Чайник стоял там хмурый, приземистый, выставив вперед носик. Скоро будет чай. Хорошо. Во рту пересохло.

Кошка терлась о ножку стола, выгнув спину и задрав хвост:

— Мгау!

— Ах, и ты здесь, сказал мистер Блум, поворачиваясь к ней.

Кошка мяукнула в ответ и снова, выгнув спину, обошла вокруг ножки стола, мяукая. Вот так расхаживает она по моему письменному столу. Прр. Почеши у меня за ухом. Прр.

Мистер Блум с любопытством ласково следил за гибкой черной фигуркой. Аккуратненькая: глянец ее гладкой шерстки, под хвостом белое пятнышко, зеленые сверкающие глаза. Он наклонился к ней, опершись руками о колени.

— Киска хочет молочка, сказал он.

— Мяу! крикнула кошка.

Их считают глупыми. Они понимают нашу речь лучше, чем мы их. Она понимает все, что ей нужно. Да и злопамятна. Интересно, каким я ей кажусь. Вышиной с башню? Нет, она на меня вспрыгивает.

— Цыплят боится, сказал он, поддразнивая. Цып-цыпок боится. Самая глупая киска из всех кисок.

Жестокая. Это у них в крови. Странно, что мыши не пищат. Словно им нравится.

— Мгау! громко сказала кошка.

Она щурилась, стыдливо полузакрыв жадные глаза, жалобно и протяжно мяукая, показывая молочно-белые зубы. Он смотрел, как от алчности суживались темные зрачки, пока ее глаза не стали зелеными самоцветами. Потом он подошел к шкапу, взял кувшин с молоком, только что наполненный молочником от Хенлона, налил теплого, пенящегося молока на блюдечко и медленно поставил его на пол.

— Грр! крикнула она, бросаясь лакать.

Он смотрел, как в слабом свете поблескивали, словно проволочные, ее усы, когда она трижды ткнулась в блюдечко и принялась потихоньку лакать. Говорят, если им остричь усы, они не могут ловить мышей. Почему? Может быть, они светятся в темноте, кончики. Или, может быть, в темноте — это вроде щупальцев.

Он слушал, как она лакает. Яичницу с ветчиной. Нет. Нет хороших яиц в такую сушь. Нужна чистая свежая вода.

[1] Под редакцией Первого переводческого коллектива ССП.

Четверг: и бараньих почек у Бэкли не достанешь. Зажарить в масле со щепоткой перца. Лучше — свиных почек у Длугача. Пока закипит чайник. Она лакает медленно, потом дочиста вылизывает блюдечко. Почему у них такой шершавый язык? Чтобы удобнее было лакать, весь в пористых ямках. Она ничего здесь не с'ест? Он посмотрел вокруг. Ничего.

Тихо поскрипывая ботинками, он поднялся по лестнице в переднюю, остановился у дверей в спальню. Может быть, ей захочется чего-нибудь вкусного. Утром она любит тонкие ломтики хлеба с маслом. А может быть, на этот раз...

Он тихо сказал в пустой передней:

— Я только дойду до угла. И сейчас же назад

И, услышав, как его голос произнес эти слова, добавил:

— Тебе не хочется чего-нибудь к завтраку?

Сонный невнятный звук ответил:

— Мм

Нет. Она ничего не хочет. Затем он услышал теплый глубокий вздох, и еще невнятнее, когда она повернулась на кровати и зазвенели расшатанные медные шары. Надо, наконец, их починить. Жаль. Везли от Гибралтара. Позабыла и то немногое, что она знала по-испански. Интересно, сколько заплатил тогда ее отец? Старого фасона. Да, конечно, купил на аукционе у губернатора. Он лишнего не заплатит, старый Твиди. Да, сэр. Это было под Плевной. Я вышел из рядовых, сэр, и я этим горжусь. Однако, у него хватило ума спекулировать на марках. Не лишен был дальновидности.

Его рука сняла шляпу с вешалки, где висело тяжелое пальто с его инициалами и его подержанный плащ, купленный на распродаже позабытых вещей. Марки: липкоспинные картинки. Должно быть, многие офицеры занимаются этим. Ну, еще бы. Пропотевшая надпись на подкладке шляпы сказала ему безмолвно: «Пласто высшего ка». Он поспешно заглянул за кожаный ободок. Белый клочок бумаги. Надежное место.

На пороге он ощупал задний карман брюк, тут ли ключ от входной двери. Его нет. В брюках, которые я снял. Надо его взять. Картофелина здесь. Гардероб скрипит. Не стоит ее будить Только что она ворочалась, сонная. Он очень осторожно потянул за собой входную дверь. Еще, пока нижняя планка не дошла до порога, прикрыта. Кажется запертой. Сойдет до моего прихода.

Он перешел на солнечную сторону, обойдя открытый люк подвала в № 75. Солнце приближалось к шпилю церкви св. Георгия. Пожалуй, день будет жаркий. Да еще в черном костюме. Черное проводит, поглощает (или преломляет?) тепло. Но нельзя же итти в светлом. Точно на прогулку. На ходу время от времени он блаженно жмурился, пригретый мягким теплом. Фургоны Боленда каждый день доставляют нам на лотках наш насущный, но он предпочитает вчерашние сдобные булочки с хрустящей горячей корочкой. Чувствуешь себя моложе. Где-нибудь на востоке: раннее утро; отправиться на заре, ехать впереди солнца, украсть у него день пути. И так все время, теоретически не становиться старше ни на один день. Итти прибрежной полосой, призрачная страна, притти к городским воротам, там часовой, тоже старый солдат, с длинными усами старика Твиди, опирается на длинное копье Бродить по улицам, затененным навесами. Лица под тюрбанами проходят мимо. Темные пещеры-лавки ковров, грузный человек, страшный Турка, сидит, скрестив ноги, курит изогнутую спиралью трубку. Крики торговцев на улицах. Пить воду, пахнущую укропом, — шербет. Бродить целый день. Может быть, встретить разбойника. Ну что же, и встречу. Приближаться к закату. Тени мечетей вдоль столбов, мулла со свитком в руках. Дрогнет листва, сигнал, вечерний ветер. Я прохожу мимо. Блекнущее золото неба. Женщина смотрит с порога. Зовет домой своих детей на непонятном языке. Высокая стена: из-за нее звуки струн. Луна ночного неба, лиловая, цвета новых подвязок Молли. Струны. Слушай. Девушка играет на одном из этих инструментов, как они называются: лютня, что ли. Я прохожу.

А на самом деле, наверно, совсем не так. Похоже на описание в книге: По следам солнца. Солнце, вспыхнувшее на титульном листе. Он улыбнулся, довольный. Как сказал Артур Гриффитс по поводу заставки к передовице в «Фримен» Солнце гомруля, встающее на северо-западе из переулочка, позади Ирландского банка. Он продолжил довольную улыбку. Что-то еврейское: солнце гомруля, встающее на северо-западе.

Он подошел к бару Ларри О'Рурк. Сквозь решетку подвала доносился мягкий плеск портера. Из открытой двери бара вырывался запах имбиря, чайной пыли, бисквитных крошек. Хорошее, в общем, место. Как раз, где кончаются трамвайные линии. А вот там, где МакОли гроша ломаного не стоит. Понятно, если они проведут трамвайную линию вдоль северного кольца от рынка рогатого скота до набережной, цена сразу подскочит.

Лысая голова над занавеской. Хитрый старый скряга. К нему не под'едешь насчет об'явления. Впрочем, это его дело. Вот он, молодчина Ларри, без пиджака, облокотился над ящиком с сахаром и смотрит, как подручный орудует ведром и шваброй. Симон Дедалус прекрасно его передразнивает.

Остановиться и заговорить с ним о похоронах, что ли. Слышали, мистер О'Рурк, бедняга Дигнэм-то?

Сворачивая на Дорсет-стрит, он бодро крикнул в дверь:

— Добрый день, мистер О'Рурк.

— Добрый день.

— Прекрасная погода, сэр.

— Совершенно верно.

Откуда они берут деньги? Приезжают красноголовые подручные из провинции Лейтрим, полощут пустые бутылки и сливают опивки. А затем раз, и готово, они процветают, как все эти Адамы Финдлетеры и Даны Таллоны. А ведь какая конкуренция. Всеобщая жажда. Хорошая головоломка: пересечь Дублин, не пройдя мимо бара? Скопить не из чего. Разве только на пьяных? Подадут три — запишут пять. Гроши: Какие это деньги? Шиллинг там, шиллинг здесь, по зернышку. А, может быть, на оптовых заказах? Шахер-махер с коммивояжерами. Округлите счет с хозяином, а куш пополам, ладно?

Сколько можно нажить на портере в месяц? Скажем десять бочонков. Скажем, он наживает десять. Нет, больше. Десять. Пятнадцать. Он прошел мимо школы святого Иосифа. Крики ребят. Открытые окна. Когда свежий воздух, легче заучить. Или когда нараспев. Абиси, диесфжи, каелем, эноии, арэстью, видэблью. Что это, мальчики? Да. Айнииштэрк. Айнишарк, Айнишбоффин [1]. У них география. Моя. Сливе Блум [2].

Он остановился перед окном Длугача, рассматривая гроздья сосисок, кровяных колбас, черных и белых. Пятьдесят умноженное на семь. Задача поблекла у него в уме, неразрешенная: недовольный, он дал ей исчезнуть. Блестящие звенья, набитые фаршем, насыщали его взгляд, и он спокойно вдыхал тепловатые пряные испарения сваренной свиной крови.

Капельки крови сочились из почки на фарфоровое блюдо с синим китайским рисунком: последняя. Он остановился у прилавка рядом с соседской служанкой. А вдруг спросит ее, читая, что ей нужно купить по записке в руке. Кожа потрескавшаяся от соды. И еще полтора фунта сосисок. Его глаза задержались на ее могучих бедрах. Вуде — его фамилия. Интересно, как он? Жена старовата. Молодая кровь. Не приводить мужчин. Сильные руки, когда хлопает по ковру, выбивая его. И хлопает же, чорт возьми! Посмотреть только, как взлетает, закручиваясь, ее юбка при каждом хлопке.

Хорькоглазый мясник складывал сосиски, которые только что оторвал веснущатыми пальцами, мясисто-розовыми. Здоровое мясо откормленной телушки.

Взял листок из стопки нарезанной бумаги. Образцовая ферма в Киннерете на берегу Тивериадского озера. Идеальное место для зимнего санатория. Моисей Монтефиоре. Так и знал, что он. Ферма, кругом стена, и, — неясно — пасущийся скот. Он отодвинул от себя листок: интересно: придвинул поближе, неясный пасущийся скот, шуршит бумага. Молодая белая телка. По утрам на рынке рогатого скота, когда животные мычат в загонах, клейменные бараны, падает и шлепается навоз, в подбитых гвоздями сапогах скотоводы ходят по грязной подстилке, держа в руках свеже срезанный прутик, похлопывают ладонью по откормленному заду, вот это первый

[1] Острова в Атлантическом океане, у берегов Ирландии.

[2] Горы в южной части острова.

О, Милли Блум, моя душа!
Я мысленно всегда с тобою рядом.
Ты для меня милее без гроша,
Чем Кэт Кеог, с ослом ее и садом!

Бедный старый профессор Гудвин. Старая развалина. Все же он был весьма учтивый старик. Старомодным поклоном он провожал Молли с эстрады. И зеркальце в цилиндре. Вечер когда Милли принесла его в гостиную. Ай, посмотрите, что я нашла в шляпе у профессора Гудвина. Все мы смеялись. Уже тогда сказывалась женщина. Маленькая проказница.

Он воткнул вилку в почку и перевернул ее; потом поставил чайник на поднос. Покоробленный поднос громыхнул, прогибаясь. Все здесь? Хлеб с маслом, четыре ломтика, сахар, ложка, сливки для нее. Да. Он понес все наверх, зацепив большим пальцем за ручку чайника.

Толкнув коленом дверь, он вошел, неся поднос, и поставил его на стул, у изголовья кровати.

— Как ты долго, сказала она.

Медные шары на кровати зазвенели, когда она порывисто поднялась, опершись локтем на подушку. Он спокойно смотрел на углубление между большими мягкими грудями, свисающими под ночной рубашкой, словно вымя козы. Теплота ее пышного тела поднималась в воздух, смешиваясь с ароматом крепкого чая.

Обрывок конверта высунулся из под примятой подушки. Уходя, он остановился оправить одеяло.

— От кого письмо? спросил он.

Уверенный почерк. Марион.

— Да от Бойлена, сказала она. Он занесет программу.

— Что ты будешь петь?

— «La ci darem»[1] с Дж. Дойлем и «Старую сладкую песню любви».

Ее полные губы пили, улыбаясь. Затхлый запах на другой день от этих курений. Как загнившая вода из-под цветов.

— Не приоткрыть ли окно?

Кладя в рот сложенный вдвое ломтик хлеба, она спросила:

— В котором часу похороны?

— Кажется, в одиннадцать, ответил он. Я еще не видел газет.

Он посмотрел, куда указывал ее палец, и приподнял с постели ее грязные панталоны. Не то? Тогда, значит, чулок с перекрученной серой подвязкой: смятая лоснящаяся пятка.

— Нет, книгу.

Другой чулок. Юбка.

— Упала, наверно, сказала она.

Он пошарил кругом. Voglio e non vorrei. Интересно, правильно ли она выговаривает voglio? На постели нет. На пол, верно, упала. Он наклонился и поднял подзор. Книга, раскрытая, валялась возле ночного горшка в оранжевых разводах.

— Дай сюда. Я там заложила. Хочу тебя спросить одно слово.

Она отпила глоток чая, держа чашку за край, и, небрежно вытерев кончики пальцев о простыню, стала водить по строчкам шпилькой, пока не нашла нужного слова.

— Не там, что? переспросил он.

— Вот, сказала она. Что это значит?

Он нагнулся и прочел у ее отполированного ногтя:

— Метампсихоз?

— Да. Что это за зверь такой?

— Метампсихоз, повторил он, хмуря брови. Это греческое слово: с греческого. Значит, переселение душ.

— О, силы небесные! сказала она. Об'ясни своими словами.

Он улыбнулся, искоса взглянув в ее насмешливые глаза. Все те же молодые глаза. Вечером после шарад. Долфинс-Барн. Он перелистал замызганные страницы. «Руби: гордость арены». А вот картинка. Свирепый итальянец с хлыстом. Верно, это и есть Руби — гордость, на полу обнаженный. Любезно одолжил простыню. «Изверг Маффеи отступил на один шаг и с проклятием отшвырнул свою жертву». Жестокость везде. Одурманенные звери. Трапеция в цирке Хенглера. Не мог смотреть. Глазеют, разинув рот. Сверни себе шею, и мы будем надрываться от хохота. Целыми семьями. Выламывают им суставы смолоду, вот и получается метампсихоз. Что мы живем после смерти. Наши души, это душа человека когда он умрет. Душа Дигнэма...

— Ты до конца прочла? спросил он.

— Да, сказала она. Ничего пикантного. Неужели она все время любит того, первого?

— Никогда не читал. Принести другую?

— Да. Принеси что-нибудь Поль де Кока. Приятное имя.

Она налила себе еще чаю, сбоку смотря, как он льется.

Надо переменить книгу в библиотеке на Кэпел-стрит, а то они напишут Кэрни — моему поручителю. Перевоплощение: вот как это называется.

— Есть люди, которые верят, сказал он, что после смерти мы продолжаем жить в другом теле, что мы жили раньше. Это и называется перевоплощением, что все мы уже жили когда-то на земле или на другой планете? И позабыли это. А некоторые говорят, что они помнят свои прежние жизни.

Сливки медлительно расходились в чае, завиваясь спиралью. Надо напомнить ей слово метампсихоз. Надо привести пример. Какой?

«Купающаяся Нимфа» над кроватью. Приложение к пасхальному номеру «Фото-новостей»: шедевр цветной фотографии. Чай, куда еще не налили молока, немного похожа на нее, когда волосы распущены: стройнее. Три шиллинга шесть пенсов отдал за раму. Она сказала хорошо повесить над кроватью. Обнаженные нимфы, Греция и, скажем, люди, которые жили тогда.

Он перелистал книгу еще раз.

— Метампсихоз, сказал он, так называли это древние греки. Они верили, что можно превратиться в животное или, скажем, в дерево. Вот, например, нимфы, как они их называли.

Ее ложечка перестала размешивать сахар. Она принюхивалась раздувая ноздри, пристально смотря перед собой.

— Пахнет горелым, сказала она. Ты что-нибудь оставил на огне?

— Почка! вдруг вскрикнул он.

Он резким движением сунул книгу во внутренний карман и, стукнувшись носком о расшатанный комод, поспешил на запах, сбегая вниз по лестнице ногами спугнутого аиста. Едкий дым сердитой струей валил с одного края сковороды.

Поддев вилкой почку, он отодрал ее и слегка перевернул на другую сторону. Только чуть-чуть подгорела. Он вытряхнул ее со сковороды на тарелку и дал стечь остаткам темной подливки.

Теперь — чашку чая. Сел, отрезал и намазал маслом ломтик хлеба. Срезал подгоревший край и бросил его кошке. Потом, подцепив вилкой кусок, положил себе в рот и стал жевать, смакуя вкусное податливое мясо. В самый раз. Глоток чая. Потом он нарезал квадратиками хлеб, обмакнул в подливку, положил в рот. Что она там пишет про молодого студента и пикник? Он развернул письмо, положил рядом с тарелкой и стал медленно читать, жуя хлеб, обмакнув еще квадратик в подливку и поднеся его ко рту.

Милый папуля,

Большущее спасибо за чудесный подарок к рожденью. Страшно идет мне. Все говорят, я просто красавица в новом берете. От мамочки получила чудесную коробку тянучек — пишу ей. Замечательно вкусные. С фотографией дело идет на лад. Мистер Кохлен снял меня с миссис, пришлю, когда будет готово. Вчера прямо гонка была. Чудесная погода и отбоя не было от разряженной публики. В понедельник устраиваем пикник на озере Оуэлл. Передай от меня привет мамочке, тебя крепко целую и благодарю. Внизу играют на рояле. В субботу концерт в Гревиль Армс. Вечером к нам иногда заходит один студент, его зовут Бэннон, его родственники какие-то важные люди. Он поет песенку Бойлэна о девушках на взморье. Скажи ему, что милая Милли шлет ему почтительный привет. Ну, прощай, целую крепко.

Твоя любящая дочь Милли.

P. S. Прости за каракули, спешу. Всего, всего.

Вчера исполнилось пятнадцать. Странно, как раз пятнадцатого. Первый раз день рождения далеко от дома. Разлука. Помнишь солнечное утро, когда она родилась; бежал на Дензелл-стрит будить миссис Торнтон. Боевая старуха. Скольким ребятам она помогла родиться на свет. Она сразу поняла, что наш Руди не будет жить. Что же, бог не без мило-

[1] Ария из оперы Моцарта «Дон-Жуан».

сти, сэр. Она сразу поняла. Ему было бы теперь одиннадцать, если бы он жил.

Его невидящий взгляд грустно смотрел на постскриптум. Прости за каракули. Спешу. Внизу играют на рояли. Вылупливается из куколки. Отчитал ее за браслет в кафе. Не стала есть пирожных, не говорила, не глядела. Вести себя не умеет. Он обмакнул еще несколько квадратиков хлеба в подливку и кусок за куском ел почку. Двенадцать шиллингов шесть пенсов в неделю. Не много. Могло быть и хуже. Хористкой в мюзик-холле. Молодой студент. Он отхлебнул остывшего чая — запить еду. Потом снова прочел письмо: дважды.

Ну, ладно: сама позаботится о себе. А если? Но ведь пока ничего нет. Конечно, все возможно. Когда что-нибудь будет, тогда посмотрим. Маленький бесенок. Ее стройные ноги, бегущие вверх по лестнице. Судьба. Становится женщиной. Кокетлива, и очень.

С нежной тревогой он улыбнулся кухонному окну. Когда я случайно встретил ее на улице, нащипывала себе щеки, чтобы они покраснели. Малокровие. Поздно отняли от груди. А в тот день на «Короле Эрике» вокруг маяка Киш. Проклятая старая лохань раскачивалась во все стороны. Ни капельки не трусила. Бледноголубой шарф и волосы ее развевались по ветру.

В ямочках щечки, кудряшки
Вихрем кружатся милашки.

Девушки взморья. Разорванный конверт. Засунув руки в карманы, подгулявший кучер напевает. Друг дома. Произносит: крюжатся. Освещенный мол, летний вечер, оркестр.

Ах, девушки, девушки,
Милые девушки взморья...

Милли тоже. Юные поцелуи: первый. Давным давно. Миссис Марион. А сейчас читает, лежа в постели, перебирает пряди волос, улыбается, заплетает.

Смутная горечь; пробежало вдоль спинного хребта, усиливаясь. Так оно и будет, да. Помешать. Бесполезно: все равно не изменишь. Нежные, сладкие девичьи губы. И будет. Он чувствовал, как разливается по всему телу смутная горечь. Бесполезно пытаться изменить. Губы, целованные, целуя целованные. Полные льнущие женские губы.

Лучше для нее, что она там: далеко. Все-таки занятие. Хотела собаку для развлечения. Можно бы с'ездить туда. В августе банковский праздник[1], всего два шиллинга шесть пенсов туда и обратно. Но это будет через шесть недель. Можно достать корреспондентский билет. Или через Мак-Коя.

Кошка, вылизав начисто свою шкурку, вернулась к испачканной мясом бумаге, понюхала ее и важно направилась к двери. Оглянулась на него, замяукав. Хочет выйти. Подождать у двери, она и откроется. Пусть подождет. Возбуждена. Электричество. В воздухе гроза. Умывалась, сидя спиной к очагу.

Он почувствовал себя отяжелевшим, наполненным: потом легкий позыв. Он встал, расстегивая брюки. Кошка мяукнула ему.

— Мяу! сказал он в ответ. Подожди, пока я соберусь.

Тяжесть: день будет жаркий. Наверх не стоит.

Газету. Он любил читать на стульчаке. Надеюсь, ни один дьявол не постучится, пока я...

В ящике стола нашел старый номер «Новостей». Сложив, сунул подмышку, подошел к двери и открыл ее. Кошка мягкими прыжками побежала по лестнице. А-а, наверх захотелось, свернуться клубочком на постели.

Прислушавшись, он услыхал ее голос.

— Иди, иди, кисанька. Иди.

Он вышел в сад через дверь кухни; остановился прислушиваясь, что в соседнем саду. Ни звука. Может быть, развешивает белье. Служанка гуляла по саду. Прекрасное утро.

Нагнулся посмотреть на грядку чахлой мяты вдоль стены. Устроить здесь беседку. Турецкие бобы. Дикий виноград. Надо унавозить все это место, больная почва. Удобрить серной печенью. Всякая почва так, без навоза. Домашние помои. Суглинок, что это такое? Куры в соседнем саду: их помет очень хорошее поверхностное удобрение. Но лучше всего скот, если его кормить жмыхами. Компост. Незаменимо для чистки дамских лайковых перчаток. Грязь, а чистит. Зола тоже. Улучшить весь участок. Вот там в углу, посадить горошек, салат. Всегда будет свежая зелень. Но огород тоже имеет свои неудобства. Тогда, в духов день, пчела, или это была мясная муха?

Он пошел дальше. А где моя шляпа, между прочим? Повесил, должно быть, обратно на вешалку. Или внизу оставил. Странно, что я не помню. На вешалке в передней негде повесить. Четыре зонта, ее непромокаемое пальто. Когда поднимал письма. В магазине Дрэго дребезжал звонок. Странно, что как раз тогда я думал. Темные напомаженные волосы над воротничком. Только что из парикмахерской. Успею ли я сегодня принять ванну? Тарастрит. Говорят, тот парень из кассы сплавил Джемса Стивенса. О'Брайен.

Какой низкий голос у этого Длугача! Агенда, как это? Пожалуйста, мисс. Восторженный.

Толкнув ногой, он открыл шаткую дверь уборной. Надо поосторожней, как бы не запачкать брюк до похорон. Вошел, нагнув голову под низкой притолкой. Притворив дверь, расстегнул подтяжки посреди вони заплесневелой штукатурки и затхлой паутины. Прежде чем сесть, он посмотрел через щель на соседское окно. Король в казначействе сидел. Никого.

Устроившись на стульчаке, развернул газету, разложив ее на голых коленях. Что-нибудь новенькое и легкое. Спешить некуда. Погоди немного. Первая премия. «Блестящий удар Мэтчема» Мистера Филиппа Бофой, Клуб театралов, Лондон. Авторский гонорар одна гинея за столбец. Три с половиной три фунта три. Три фунта, тринадцать и шесть.

Вчерашнего легкого запора как не бывало. Да, все в порядке. В случае запора одну таблетку каскара саграда. Так могло быть и в жизни. Его это не волновало и не трогало, но написано легко и живо. Теперь все печатают. Мертвый сезон. Он продолжал читать, спокойно сидя над собственным поднимавшимся запахом. Очень живо. «Мэтчем часто думал о том ударе, которым он покорил эту насмешливую волшебницу, которая теперь... Нравоучительное начало и конец. «Рука об руку». Здорово. Он пробежал то, что уже прочел и добродушно позавидовал Мистеру Бофой, написавшему это и получившему гонорар в три фунта тридцать и шесть.

Я мог бы состряпать скэтч. Подпись: Мистер и миссис Л. М. Блум. Сочинить рассказ на пословицу, какую? Когда-то записывал на манжете, что она говорила, одеваясь. Неприятно одеваться вместе. Порезался когда брился. Закусив нижнюю губу, застегивала крючки на юбке. Хронометрировал ее. 9. 15. Что, Робертс еще не заплатил? 9. 20. В чем была Гретта Конрой? 9. 23. Угораздило меня купить этот гребень! 9. 24. Меня совсем раздуло от капусты. Пыльное пятнышко на ее лакированном ботинке.

Ловко вытирает один рант за другим об икры в чулках. На другой день после благотворительного бала, где оркестр Мэй исполнял танец часов Понкиелли. Об'ясняла: это утренние часы, полдень, наступает вечер, затем ночные часы. Чистила зубы. Это был первый вечер. Голова у нее кружилась. Палочки веера стучали. Что, этот Бойлэн богатый? У него есть деньги. А что? Когда мы танцовали, я заметила, что от него приятно пахнет. Не нужно напевать: а то вспомнит. Странная была музыка вчера вечером. Зеркало в тени. Она проворно потерла зеркальце о шерстяную фуфайку, обтягивающую ее полные отвислые груди. Смотрелась в него. Рябит в глазах. Все равно ничего не видно.

Вечерние часы, девушки в дымчатом газе. Ночные часы — в черном, с кинжалами, в полумасках. Поэтично: розовое, потом золотое, потом серое и черное. И очень натурально. День, затем ночь.

Он резко оторвал половину премированного рассказа и подтерся. Потом подтянул брюки, поднял подтяжки, застегнулся. Захлопнул тряскую дверь уборной и вышел на свет из полумрака.

На ярком свете, облегченный и свежий, он внимательно осмотрел свои черные брюки, внизу, колени, икры.

[1] Общий выходной день для всех служащих банков и торговых предприятий, установленный в Англии с середины XIX века.

В котором часу похороны? Надо посмотреть в газете. Скрип и хриплый скрежет вверху в воздухе. Колокола церкви св. Георгия. Выбивают часы: звучный темный металл.

Хей-го! Хей-го!

Хей-го! Хей-го!

Хей-го! Хей-го!

Без четверти. Еще раз: детонирующий отзвук в воздухе. Терция.

Бедняга Дигнэм!

ПРИМЕЧАНИЕ

В четвертом эпизоде «Улисса» («Калипсо») впервые появляется главный герой романа — дублинский крещеный еврей м-р Леопольд Блум, которого комментаторы Джойса отождествляют с Одиссеем (напомним, что по этой схеме Стефен Дедалус, главное действующее лицо первых трех эпизодов, отождествляется с сыном Одиссея, Телемаком).

По сравнению с внутренним монологом Стефена (см. «Интернациональная литература» — 1935, № 3), изобилующим литературными, историческими и философскими реминесценциями, внутренний монолог м-ра Блума носит гораздо более «обывательский» характер. Явления внешнего мира м-р Блум воспринимает сугубо-позитивистически, иногда даже с претензиями на научные об'яснения (напр. «черное проводит, поглощает, или преломляет тепло»; «помет очень хорошее поверхностное удобрение»). Литература ограничивается для него бульварными романами («Руби — гордость арены»), премированными рассказиками в еженедельнике («Блестящий удар Мэтчема») и описаниями путешествий на экзотический Восток («По следам солнца»). Вместо стихов Милтона и Суинберна здесь — шансонетка Бойлэна, самодельные стишки «О Милли Блум»... и детский стишок «Служанка гуляла по саду, король в казначействе сидел». Политические ассоциации ограничиваются беглым упоминанием Джемса Стивенса, бежавшего из тюрьмы ирландского заговорщика и Артура Гриффитса (1872—1922), основателя революционно-националистической организации синн-фейнеров; последние в отличие от умеренных националистов, добивавшихся расширенного местного самоуправления («гомруль»), боролись за полную независимость Ирландии. Наконец, остается упомянуть еще о сионистской листовке «Общества плантаторов» Агенда Нетаим; в связи с ней м-р Блум упоминает филантропа-сиониста, английского еврея Монтефиоре, а в последующем внутреннем монологе на тему о Палестине («бесплодная земля, голая пустыня») проскальзывает библейская ассоциация («серный дождь»; Содом и Гоморра).

Приведенными примерами по существу исчерпывается все то, что в данном эпизоде нуждается в об'яснениях «со стороны»: все остальное раз'ясняется непосредственно из текста или выяснится в дальнейших эпизодах «Улисса».

Мануэль Мачадо

Перевод с испанского Ф. В. Кельина

Дочь Вентеро

«Дочка молчала и время от времени улыбалась».

Сервантес «Дон-Кихот»

Дочка молчала
И улыбалась.
О это молчанье,
Эти улыбки!
Зачем вы так живы
В моем сознаньи?
В Венте[1] нет народу,
Только Мариторна
Мигает глазами,
Засыпая...
Хозяйка прядет пряжу,
«Его милость» — вентеро
Караулит у двери:
Не идет ли странник, —
Да ветер за дверью
Подметает равнину...
А в углу, где пламя
Еще не погасло,
Дочка мечтает над рыцарской
Книгой...
Синими очами
Видит она, как гаснет
День за горизонтом...
Бурая и суровая
Ламанча тонет
В холодной ночи...

Кастилья

Слепое солнце звездами дробится
На жестких выступах оружья,
Лучем пронзает панцырь и наплечье,
Горит огнем на острых копьях.

[1] Вента — корчма, вентеро — корчмарь.